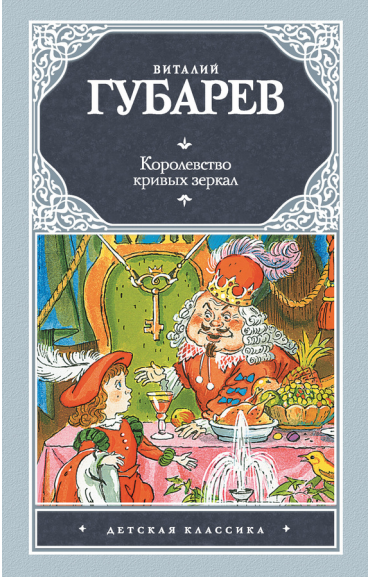

Виталий Губарев

Королевство кривых зеркал (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143304

Королевство кривых зеркал: Астрель; М.; 2012

ISBN 978-5-271-09588-7, 978-5-271-19780-2, 978-5-271-38664-0

Аннотация

Повести-сказки Виталия Георгиевича Губарева (1912–1981) переносят читателей в мир фантастики и приключений, где герои противостоят силам зла. Благородство, мужество и находчивость помогают ребятам преодолеть все испытания и с честью выйти из труднейших ситуаций.

Открывается книга интересной статьей литературоведа И.Л. Жуковой о жизни и творчестве писателя.

Содержание

Возвращение Виталия Губарева	5
Королевство Кривых Зеркал	10
Глава первая,	11
Глава вторая,	17
Глава третья,	20
Глава четвёртая,	28
Глава пятая,	33
Глава шестая,	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виталий Георгиевич Губарев Королевство кривых зеркал

Художники
С. Бордюг,
Н. Тrepенoк

Возвращение Виталия Губарева

Бывают книги – добрые и верные друзья на всю жизнь. Их не устаёшь перечитывать и каждый раз открываешь что-нибудь новое. К таким книгам принадлежит весёлая и поучительная сказка Виталия Губарева «Королевство кривых зеркал». Однако в её жизни – а у книг тоже своя, часто драматическая жизнь и свои отношения с читателями – был период забвения, точнее сказать – отлучения от читателя: с 1970 года сказку не переиздавали. А без поддержки переизданиями книги часто становятся невостребованными. По счастью, сказка Виталия Губарева была экранизирована нашим лучшим режиссёром-сказочником Александром Роу и стала любимым детским фильмом. А вот остальным произведениям разностороннего и одарённого писателя повезло меньше: его исторические, сказочные и фантастические повести выпали из читательского поля зрения и только с перестройкой, с начала 1990-х, вернулись к нам.

Нам хотелось также восстановить вехи литературной биографии Виталия Губарева – журналиста, писателя-сказочника, драматурга, чьё творчество – одна из лучших страниц детской литературы XX века.

Виталий Георгиевич Губарев прожил большую, насыщенную заботой и ответственностью за людей жизнь.

Он был человеком в высшей степени совестливым и сострадательным и считал это в людях признаком истинной интеллигентности.

В литературном труде – повестях и сказках для детей – и в жизни, которая была посвящена большому общему делу, он привык отдавать всего себя – «гореть» идеей, работой. Такое равнодушие привело его в журналистику, а литературная одарённость, соединённая с порывом к общему благу, создала писателя, чьи произведения задевают, волнуют читателя и сегодня. Он был всезнающим и всеведающим газетчиком и мобильным журналистом – иным и не мог быть редактор детской и молодёжной прессы – «Пионерской правды» и «Комсомольской правды». Коллеги по работе отзывались о нём так: «Мы его любили больше всех. Он «горел» на работе. Высокая культура в нём чувствовалась». В 30–60-е годы во всех популярных изданиях – «Огоньке», «Работнице», «Крестьянке», журналах «Вожатый», «Сельская молодёжь», «Советская женщина», «Смена» – публиковались его рассказы и очерки. Начиная с 50-х годов и до наших дней в детских театрах страны идут его пьесы.

«Пьесы пошли, как девятый вал», – признавался Виталий Георгиевич. Эти годы были самыми продуктивными в его жизни, но мы меньше всего знаем об этом периоде. Собственным имиджем и рекламой своих сочинений он был озабочен меньше всего. Это не было в его обычае. Скромность и множество неотложных дел, связанных с газетой и общественным пионерским движением, которому он стремился придать патристическую, краеведческую устремленность, не оставляли для этого времени. Документированной литературной биографии писателя ещё не создано. Мы предлагаем лишь некоторые штрихи к портрету этого замечательного человека, которые, возможно, прольют свет и на его творчество.

Виталий Георгиевич Губарев родился в Ростове-на-Дону 30 августа 1912 года.

В своей повести для подростков «Монтигомо – Ястребиный Коготь» (1965), действие которой происходит в Ростове, он даёт красочные описания родного города – цветущих весною акаций, величественного Дона и любимых мест ростовчан – набережных и пляжей.

Раннее детство мальчик провёл не в Ростове, а на хуторе Большая Козинка с бабушкой Марией Григорьевной Губаревой (1867–1946). Она была дочерью морского офицера и являлась дальней родственницей художника Айвазовского, а также и писательницы Веры Пановой. Высокообразованная женщина, она заведовала в Больших Козинках школой. В этой

школе Виталий начал учиться, а в 12 лет, когда он написал свою первую пьесу «Где ты, счастье?», её разыграли в Народном доме артисты-школьники.

Образ бабушки, бабунечки, бабушечки мы встретим потом и в повестях, и в сказках Виталия Губарева. Он – один из самых обаятельных, выписанных со множеством точных и трогательных чёрточек.

У бабушки Марии Григорьевны было трое сыновей. Отец Виталия – старший сын – погиб в Первую мировую войну, когда мальчику не было и трёх лет. О нём известно, что он писал стихи и уже начал печататься.

Виталий рос с мамой и отчимом Кузьмой Куприяновичем Дегтяревым, впоследствии деканом Ростовского педагогического института.

Мама – Антонина Павловна – получила гимназическое образование и тоже преподавала – теперь уже в школе, называвшейся «Единой трудовой школой I и II ступени», которую и закончил, уже в Ростове, Виталий.

Литературная одарённость проявилась у мальчика очень рано – в 8 лет. Но кто знает, как бы сложилась его судьба, не встретить он на своём пути талантливого редактора Полнена Яковлева. «Когда я, худенький и белобрысый, робко протиснулся в редакционную комнату с вопросом: «Где тут у вас рассказы принимают?», он внимательно прочитал написанное, показал, где лишнее, чего не хватает, и много возился со мной», – вспоминал Виталий Георгиевич. «Это был абсолютный интеллигент, мягкий, добрый, ласковый человек» – так он отзывался о своём первом редакторе.

П. Яковлев начал печатать 12-летнего корреспондента в газете «Ленинские внучата» и журнале «Горн». И тот почувствовал, что литературный труд – нужное и важное дело.

1924 год. Вдумайтесь, сам ещё мальчик, подросток, он пишет рассказы и повести о своих сверстниках-мальчишках. «Гнилое дерево» – о дружбе сельских и городских ребят; «Сын телеграфиста» – о мальчике – герое Гражданской войны; повесть «Красные галстуки» – о беспризорниках; рассказ «Куб разности». «В ночном» – лирический рассказ, навеянный тургеневским «Бежиным лугом» (здесь мы видим литературных учителей Губарева – это Тургенев и Чехов). Рассказы печатаются в ростовских журналах «Горн» и «На подъёме» (в будущем – журнал «Дон»).

1926 год. За рассказ «Ночная встреча» 14-летний писатель получил гонорар в размере 6 рублей. На второй гонорар за повесть «Второстепенцы» (в такой он как раз и учился) смог купить костюм, из-за чего его появление на улицах Ростова сопровождалось ворчанием босяков: «О, буржуй идёт!»

В 1928 году Ростовская школа II ступени была закончена. Виталию выдали прекрасную характеристику, и он полностью посвятил себя корреспондентской работе, став собственным корреспондентом «Крестьянской газеты» по Северному Кавказу. В тогдашней крестьянской России это была вторая по значению после «Правды» газета, выпускавшаяся в Москве, в которой главным редактором был Семён Урицкий. При «Крестьянской газете» было приложение для детей – газета «Дружные ребята». Виталия уговорили присылать и материалы для детей. «Три года я провёл на колёсах, дома почти не был».

Газете «Дружные ребята» так понравились его материалы, что в 1931 году срочной телеграммой его вызвали в Москву: «Приехать к такому-то часу 12 августа».

О своём появлении в Москве он рассказывал потом с юмором: «Приехал с портфельчиком на Казанский вокзал. Редакция находилась на Воздвиженке в доме № 9. Надо было ехать на трамвае. А трамвай тогда брали штурмом. Один трамвай пропустил, во второй не смог протиснуться, в третий как рванул – и услышал: «Ну, сразу видно, нахальный москвич». «Я думал, на совещание зовут. А ребята схватили – оставайся! Так и остался. Ночевать улёгся на редакционном столе, с пачкой газет под голову. Потом снимал угол. Обедать ходил в столовую. Но в выходные дни начинался голод. Прославленный общепит в выходные не

работал. Да и вся страна голодала, всё было по карточкам». Но ощущение времени было таким: «Мы все были счастливы молодостью и духовным подъёмом. Жили весело и дружно. Над газетой работали с утра до позднего вечера. Хлеб, полученный по карточкам, съедали сразу, в остальное время довольствовались чаем».

Есть в литературной биографии Виталия Губарева момент, который мы не будем обходить молчанием. Это участие в 1932 году в комиссии по расследованию убийства пионера Павлика Морозова. В дальнейшем в числе многих других авторов Виталий Губарев написал повесть об этом. Однако нравственные проблемы, ставившиеся в той и последующих повестях Губарева, не исчезли. Они вновь и вновь встают перед обществом. Виталий Губарев мучительно и бескомпромиссно искал ответ на вопрос: можешь ли ты, юный человек, предотвратить преступление или скроешь его из соображений родственности и личной безопасности? Сам Виталий Георгиевич был человеком бесстрашным и самоотверженным. По зажиточным селам Кубани ездил, когда корреспондентов, казавшихся крестьянам чужаками-горожанами, убивали. Как писатель он надеялся, что его повести помогут понять и выбрать нравственные категории, без которых любое общество и отдельный человек существовать не могут: категорию внутреннего голоса совести, нравственного суда над собой, нравственного выбора. Осознавший их не сможет закрыть глаза на преступление против норм человечности. Он апеллировал к совести и в реалистической повести «Монтигомо – Ястребиный Коготь», и в повести-сказке «Королевство кривых зеркал». Это было знаком времени и его личной нравственной позицией.

Осенью 1941 года на правдинца Виталия Губарева была возложена задача эвакуировать сотрудников издательства и типографии ввиду угрозы наступления немцев на Москву. Это осуществлялся план эвакуации важнейших предприятий города. Надо было везти и устраивать людей под Омск. 3000 человек, и среди них – 1000 детей. В Москву Виталий Георгиевич вернулся уже в 1942 году и сразу же поехал на фронт корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Мотался на машинах по дорогам войны. Ездил к партизанам Смоленщины запечатлеть вручение бойцам орденов. Вместе с наступающей армией шёл по Болгарии и Румынии. «Если Болгария не была оккупирована немцами и ни одного солдата не направила против нас, то в Румынии, воевавшей на стороне гитлеровцев, каждую ночь мы теряли бойцов, – рассказывал Виталий Георгиевич, – один раз мы еле спаслись».

Возможно, в освобождающейся от ига фашизма Европе он увидел прообразы будущей сказки «Королевство кривых зеркал». Во всяком случае, зарождение замысла относится к 1947 году. Работа над ней шла долго. В 1951 году сказка была опубликована издательством «Молодая гвардия» и вскоре переведена на болгарский, немецкий и чешский языки. «Литературная газета» откликнулась на появление книги хвалебным отзывом. Звонили из театров с предложениями поставить сказку. Первым позвонил руководитель Театра кукол Сергей Владимирович Образцов, потом позвонили из Театра юного зрителя. Писатель отдал сказку в более близкий подросткам ТЮЗ и в 1952 году переложил её для сцены.

Талантливая, блестяще написанная сказка, в которой не потускнело ни одно слово, и сейчас нужна нам и нашим детям так же, как и тогда, в 1951 году, при первом своем издании. В 50-е годы она триумфально шла по стране в драматических театрах, ставилась в виде балетных спектаклей и оперетты, и наконец, лучший режиссёр-сказочник А. Роу снял по этой повести великолепный фильм... Однако главная причина её бессмертия – в самой природе сказки, написанной талантливо и ярко, в созданных Губаревым сказочных метафорах, иносказаниях, что выразили сущность самой жизни. В те годы, когда ещё никто не помышлял о сломе тоталитарной системы, появилась сказка о короле Топседе VII – Деспоте. Его министры придумали зеркала, в которых он отражался умным правителем, бесправные же и голодные труженики видели себя толстыми и сытыми.

Читатель – ребёнок и подросток, попадая вместе с Олей-Яло в эту сказочную страну, – учится смотреть на себя со стороны, анализировать свои поступки, видеть недостатки.

50-е годы можно назвать «драматургическим периодом» в жизни Виталия Губарева.

В 1954 году написана фантастическая комедия «Великий волшебник», в 1955-м – пьеса «Барышня».

60-е годы – вновь повествовательный период. Пишутся повести – сказочные, фантастические, реалистические. Все – острые, проблемные.

1959 год – «Трое на острове», 1961 год – «Путешествие на Утреннюю Звезду».

В 1965 году была написана повесть-сказка «Часы веков». После зеркала ещё одно удивительное изобретение человечества – часы – обнаружило свою чудодейственную силу. С их помощью школьница по прозвищу Муха попадает в доисторические времена. Вновь у писателя привычный предмет обнаруживает историческую сущность и вырастает до всеобъемлющей метафоры. Маленький старичок-часовщик по фамилии Великанов, открывший дверку в другие века и тысячелетия, наставляет Машу-Муху: «Величие человека – в уме и добром сердце». О впечатлении, которое произвела эта повесть, мы можем судить по читательскому письму, хранящемуся в архиве писателя. Этим внимательным и чутким читателем был философ и богослов Александр Мень:

«Книга Виталия Губарева, автора хорошо знакомого и любимого детьми, не совсем обычная. В ней жанр занимательно-фантастический, приключенческий переплетается с жанром научно-популярным. Сразу можно сказать: книга читается с увлечением. Её с удовольствием прочтут и взрослые. А это один из признаков удачи писателя. В «Часах веков» перед читателем развёртывается красочная картина прошлых эпох. Герои её, кстати, очень живые и симпатичные, как всегда у Губарева, становятся свидетелями борьбы среди доисторических животных и наблюдают первые попытки обезьян употребить орудия. Хотелось бы, чтобы автор продолжил работу над книгой и создал продолжение, которое позволит заглянуть в более раннюю историческую эпоху.

*5 мая 1965 года,
Александр Мень».*

Виталий Георгиевич хотел оживить волшебством воображения Русь XV века, Великий Новгород. Археологические раскопки, проводившиеся в Новгороде в 1951–1957 годах, открыли миру берестяные грамоты – памятники деловой и частной переписки. К 1961 году их число достигло 400. Всех потрясли расшифровки берестяных грамот мальчика Онфима, сделанные археологом А. В. Арциховским. Виталий Георгиевич как журналист и детский писатель не мог пройти мимо этого культурного события. Так, последним его произведением для детей стала историческая повесть «Преданье старины глубокой» (1970).

Сказочные и фантастико-приключенческие повести переносят нас в удивительные миры далёких планет и королевств, в прошлое и будущее человечества, высвечивают наше настоящее сквозь призму сказочной условности.

На мыслеplane волшебника мы перелетаем на розовую планету Утренняя Звезда, встречаемся с храбрыми и надёжными мальчишками – Ильёй, Никитой и Алёшей – современными тремя богатырями (повесть «Путешествие на Утреннюю Звезду»).

В королевство Карликия, очень похожее одновременно и на старую колониальную Англию, и на новую Россию, мы попадаем вместе с русской школьницей Оксаной (повесть «В тридевятом царстве»). Эта повесть – подарок всем читателям, забрасывавшим автора письмами-просьбами о продолжении полюбившихся приключений Оли в «Королевстве кривых зеркал». Теперь героиня повзрослела, закончила среднюю школу и у неё новое имя – Оксана, но она так же свободолюбива и весела, остроумна и бесстрашна, чужда социальных предрассудков, как и её «старшая» книжная сестрёнка.

Романтика дальних странствий соединяется в творчестве писателя с остросатирическим, гротескным изображением установленных бездарными правителями порядков маленьких и больших королевств.

«Ваше величество, мои сеятели риса не вышли на работу! Они требуют хлеба!» – «Дайте вашим рабочим побольше кривых зеркал, и они успокоятся». Это блестящий афоризм из повести «Королевство кривых зеркал», причем зеркала можно легко заменить телевидением, рекламой, прессой, настолько ёмкий образ создал писатель.

«Твой отец имеет титул графа?» – спрашивает юная королева Изабелла Оксану, которая на короткое время поменяется с ней местами, подобно принцу и нищему из романа Марка Твена. «Мой отец, так же как и мама, имеет титул учителя», – парирует не без иронии Оксана. Этот полный достоинства, ума и независимости взгляд передал своим любимым персонажам-детям автор.

Умер Виталий Георгиевич Губарев в 1981 году, читая режиссёру только что написанную пьесу. А свет его книг продолжает светить нам, и я уверена, что читатель полюбит душевно красивых и сильных героев этих произведений и задумается о жизненном подвиге их создателя, Виталия Губарева.

Ирина Жукова

Королевство Кривых Зеркал

Глава первая, в которой Оля ссорится с бабушкой и слышит голос волшебного зеркала

Хочу вам рассказать о девочке Оле, которая вдруг увидела себя со стороны. Увидела так, как можно увидеть не себя, а совсем другую девочку – скажем, сестру или подругу. Таким образом, она довольно долго наблюдала самой себя, и это помогло ей избавиться от недостатков, которых она раньше в себе не замечала.

И знаете, что самое главное в этой истории? Оля убедилась, что даже, казалось бы, маленькие недостатки в характере могут стать серьёзным препятствием на пути к цели. Она попала в одну сказочную страну, где ей пришлось пережить много опасных приключений, подобных тем, о которых она читала в старых сказках. Может быть, вы тоже читали эти старые сказки, где короли, разные принцы и придворные дамы так добры, справедливы, прекрасны и вообще так приторно сладки, будто вымазаны мёдом. И вот однажды девочка Оля совершила путешествие в сказочную страну и увидела там... Впрочем, я лучше расскажу всё по порядку.

...В то утро Оля вела себя из рук вон плохо. Она встала позже, чем следовало, а когда бабушка будила её, брыкалась и, не открывая глаз, говорила противным скрипучим голосом:

– Отстань! Ну что ты ко мне пристала?

– Оля, – настойчиво говорила бабушка, – ты можешь опоздать в школу.

Голос у бабушки был спокойный и ласковый, потому что все бабушки очень ласковы. Они так любят своих внуков, что не сердятся даже тогда, когда капризные девочки говорят им дерзости.

– Опять читала в постели допоздна, – вздохнула бабушка, поднимая упавшую на пол книгу, на обложке которой крупно было написано: «Сказки». – А теперь вот подняться не можешь.

Оля села на кровати, свесив босые ноги, и сердито посмотрела на бабушку одним глазом, так как другой всё ещё был закрыт.

– Какая ты... недобрая... Никогда поспать не даёшь!

Олино платье оказалось под кроватью. Одну туфлю она долго не могла отыскать и наконец обнаружила её под книжным шкафом.

Потом, когда бабушка заплетала ей косы, она дёргалась и говорила: «Больно!», хотя на самом деле больно ничуть не было.

А после завтрака Оля никак не могла найти свои учебники.

– Вчера я положила их на этот стол. Куда ты задевала их? – ворчала она на бабушку, топая ногой.

– Я никогда не теряю своих вещей, – спокойно отвечала бабушка. – Будь любезна и ты класть вещи на своё место.

– Нет, – кричала Оля, – я всегда кладу всё на место! Это ты нарочно спрятала мои книги.

Тут даже бабушкиному терпению пришёл конец, и она, немного повысив голос, проговорила:

– У, бесстыдница! Как только папа и мама вернутся с работы, я им всё расскажу.

Угроза подействовала: Оля побаивалась папы и мамы. Она негромко проворчала: «Подумаешь!..» – и, надув губы, полезла под кровать. Конечно, под кроватью книг не оказалось; не оказалось их в ванной и в кухне. Неизвестно, сколько времени продолжались бы поиски, если бы бабушка не заглянула в Олин портфель.

– Видишь, какая ты рассеянная, Оля! Ведь ты же сама вчера положила все свои учебники себе в портфель. О, как бы я хотела, чтобы ты посмотрела на себя со стороны! Вот стыдно тебе стало бы...

Оля, которой уже и так было стыдно, что она понапрасну обидела бабушку, чмокнула старушку в щёку, взяла портфель и пошла в переднюю одеваться. В передней стояло большое зеркало, перед которым она так любила вертеться.

– Одевайся поскорее, Оля! – крикнула ей вслед бабушка. – До звонка осталось десять минут.

Но Оля и не думала одеваться. Из зеркала на неё смотрела девочка в чёрном переднике, с красным галстуком на шее. Девочка как девочка – две русые косы с бантом и два больших голубых глаза. Но Оля считала себя очень красивой и поэтому, очутившись перед зеркалом, долго не могла оторваться от него. Так было всегда.

– Как, ты ещё не ушла? – вскрикнула бабушка, появляясь в передней. – Нет уж, сегодня я непременно расскажу всё папе и маме!

– Подумаешь!.. – ответила Оля и начала одеваться.

– Учишься в пятом классе, а ведёшь себя, как маленькая. Ох, если бы ты могла посмотреть на себя со стороны!

– Подумаешь!.. – повторила Оля, помахала бабушке рукой и, ещё раз украдкой взглянув на себя в зеркало, скрылась за дверью...

В этот день Оля вернулась из школы злая-презлая: она поссорилась с подругами. Вообще она часто ссорилась с подругами и почти всегда была виновата во всём.

– Какая ты капризная! – сказали ей подруги. – Больше мы не будем с тобой дружить!

– Подумаешь!.. – выпятила Оля нижнюю губу и сделала вид, что нисколько не огорчена. Но на самом деле на душе у неё было прескверно.

Кончался декабрь, на улице темнело рано. А так как после школы Оля не могла удержаться от соблазна заглянуть в кино, где шла новая картина, то, когда она пришла домой, в

морозном небе уже светились звёзды. И тут, к своему ужасу, Оля увидела, что на лестнице не горят лампы. А темноты она боялась больше всего на свете.

Пугаясь шума собственных шагов, Оля стремительно взбежала на свой этаж и подняла такой звон, что у бабушки тряслись руки, когда она открывала дверь.

– Что случилось? – испуганно спросила старушка. – А где твой ключ?

– Бабунечка, я потеряла свой ключ, – тяжело дыша, сказала Оля.

Бабушка всплеснула руками.

– Это уже в третий раз! Ну что теперь делать? Свой ключ я отдала слесарю домоуправления. Ах, Оля, Оля, какая ты растеряшка! Беги к слесарю, он, наверное, уже сделал новый ключ.

– Бабунечка... на лестнице так темно... Наверно, перегорели пробки.

– Боишься?

– Я просто... не люблю темноты...

– Ах ты, трусишка! Ну ладно уж, схожу сама. – Бабушка оделась, погрозила Оле пальцем: – Шоколадку в буфете до обеда не трогай! – и скрылась за дверью.

Оля стала раздеваться на ходу. В одном месте она оставила калоши, в другом – шапочку, в третьем – пальто. Затем, после небольших колебаний, она достала из буфета шоколадку и съела её. Ей было скучно. Она взяла книгу, на обложке которой было написано: «Сказки», и начала листать её. Одна картинка привлекла внимание Оли. С высокого холма открывался вид на удивительный город со множеством разноцветных зданий с высокими шпилями. Нарядные люди гуляли по площади вокруг фонтана. «Вот бы и мне погулять там!» – подумала Оля и вдруг услышала какой-то странный звон в передней.

Она побежала в переднюю. Но всё было тихо.

«Наверно, слышалось», – подумала Оля и, бросив взгляд на зеркало, как обычно стала вертеться перед ним.

Она оглядела себя с головы до ног, несколько раз повернулась кругом, потом сощурила глаза и высунула язык. Потом Оля рассмеялась и начала выбивать ногами дробь.

И тут ей показалось...

Нет, этого не может быть! Чутко прислушиваясь, Оля снова стукнула каблуками об пол и теперь уже вполне отчётливо разобрала, как в глубине зеркала стеклянным мелодичным звуком отозвалось эхо. Да, эхо отозвалось в зеркале, в той самой передней, которая в нём отражалась, а не в той, настоящей, в которой стояла Оля.

Это было так странно, что Оля онемела, широко открыв свои голубые глаза. И в тишине она ясно услышала, как кто-то вздохнул длинно и печально. Оле стало страшно... Она выждала минуту и негромко спросила:

– Кто это вздыхает?

– Я, – негромко ответил красивый звенящий голос, словно ударились друг о дружку хрустальные стёклышки.

– Кто ты? – перевела дыхание Оля. – Здесь никого нет.

– Это я, зеркало, – снова зазвенел голос.

Оля отскочила в сторону и, помедлив, сказала:

– Но ведь вещи не умеют разговаривать...

– А ты представь, что находишься в сказке, – ответил голос.

– Всё равно это очень странно... Я боюсь тебя, зеркало.

– Напрасно, девочка... Я доброе волшебное зеркало. Я не причиню тебе никакого зла. Не правда ли, я тебе нравлюсь? Ты так любишь смотреть в моё стекло!

– Это правда, – сказала Оля, осмелев и делая шаг к зеркалу.

А голос звучал:

– Бабушка часто говорит, что хотела бы, чтобы ты увидела себя со стороны...

– Но разве это возможно? – удивилась Оля.

– Ну конечно, возможно. Только для этого тебе надо побывать по ту сторону зеркала.

– Ах, как интересно! – воскликнула Оля. – Разреши мне, пожалуйста, побывать по ту сторону зеркала!

Голос ответил не сразу, как будто зеркало погрузилось в задумчивость.

– С твоим характером, – произнёс наконец звенящий голос, – опасно очутиться по ту сторону зеркала.

– Разве у меня плохой характер?

Снова раздался вздох:

– Видишь ли, ты, конечно, хорошая девочка... Я вижу добрые глаза – значит, и сердечко у тебя доброе. Но у тебя есть недостатки, которые могут помешать тебе в трудную минуту!

– Я ничего не боюсь! – решительно махнула косичками Оля.

– Что ж, пусть будет по-твоему, – произнёс голос.

И передняя наполнилась вдруг звоном, словно разбились тысячи хрустальных стекляшек. Оля вздрогнула, и книга, которую она держала под мышкой, полетела на пол.

Глава вторая, в которой Оля знакомится со своим отражением и попадает в сказочную страну

Хрустальный звон всё усиливался. По гладкому стеклу зеркала побежали голубые волны. С каждой секундой они становились всё голубее и голубее, и теперь уже зеркало ничего не отражало. Затем голубые волны рассеялись, словно туман, и хрустальный звон затих. Оля снова увидела в зеркале переднюю и своё отражение. Однако стекло исчезло. Осталась только одна рама от зеркала, через которую – Оля отчётливо почувствовала это – повеяло ветерком.

Набрав в лёгкие воздуха и зажмурив глаза, будто она собиралась нырнуть в воду, Оля быстро подняла ногу, переступила через раму и, столкнувшись с кем-то, полетела на пол. Она схватилась за ушибленный лоб, открыла глаза и села. Перед ней, схватившись за лоб, сидела девочка с русыми косами и большими голубыми глазами.

– А ведь мы обе виноваты, что столкнулись, – сказала девочка, смущённо улыбаясь. – Ты слишком быстро сделала шаг вперёд. И я сделала шаг вперёд. Ведь я привыкла делать то же, что и ты! Я не догадалась сразу, что теперь мне нужно уступать тебе дорогу.

– Ничего, мне не очень больно, – проговорила Оля, потирая лоб, – только, наверное, вскочит шишка.

– Там, в своей передней, ты обронила книжку, – сказала девочка Оле, – вот она.

И девочка протянула книгу, на которой было написано: «икзакС». Оля усмехнулась и внимательно оглядела отражённую переднюю, в которой находилась. Всё в ней было наоборот. То, что дома стояло справа, здесь оказалось слева, а то, что там стояло слева, здесь оказалось справа.

Вдруг хрустальный звон привлёк её внимание. Оля увидела, что в зеркальной раме снова появились голубые волны. Она торопливо подбежала к зеркалу, но его поверхность уже успокоилась. Оля прислонила к зеркалу лоб и почувствовала холодок стекла. «Как же я теперь попаду домой?» – подумала она. Ей вдруг стало тревожно и грустно. Она видела в зеркале переднюю своей квартиры, которая была так близко и в то же время так далеко теперь. Какой милой ей показалась эта передняя! Вон на полу лежит её любимая книга, на которой написано: «Сказки». А вон на вешалке висит папино летнее пальто, которое мама вынула из сундука, чтобы оно проветрилось: от пальто пахло нафталином.

Оля оглянулась.

Здесь, в отражённой передней, тоже висело пальто, такое же, как у папы; но сколько Оля ни тянула носом воздух, она не почувствовала запаха нафталина.

— Я не хочу здесь оставаться, — сказала Оля и сердито посмотрела на девочку. — Я хочу домой.

— Нельзя, — серьёзно проговорила девочка, поднимаясь с пола. — Голубые волны не могут появляться так часто.

— А если я... разобью стекло?

— Тогда будет ещё хуже. Ты на всю жизнь останешься по эту сторону зеркала.

Слёзы брызнули из Олиных глаз и закапали на пол. «Дзинь, дзинь!» — зазвенели слезинки; ударившись об пол, они превращались в стёклышки и разбивались на сотни крошечных частей.

— Зачем же ты огорчаешься? — ласково заговорила девочка. — Нам с тобой не будет скучно.

— Как тебя зовут? — всхлипывая, спросила Оля.

— Меня зовут Яло. А тебя зовут Оля?

— Правильно! — воскликнула удивлённая Оля. — Как ты узнала?

— Это очень просто. Ведь я твоё отражение. Значит, имя у меня такое же, как у тебя, только наоборот. Оля наоборот будет Яло. Видишь, у меня всё наоборот: у тебя родинка на правой щеке, а у меня на левой.

— Это очень забавно, — улыбнулась Оля сквозь слёзы. — Если ты моё отражение, значит, ты...

— Что?

— Ты не обидишься, если я тебя спрошу?

— Конечно, нет, — ответила девочка. — Что тебя интересует?

— Если ты моё отражение — значит, ты должна быть левшой?

— Так и есть. Я всё делаю левой рукой. И это значительно удобнее, чем правой.

— Здесь всё очень смешно, — сказала Оля и вдруг поёжилась. — Скажи, пожалуйста, откуда так сильно дует?

– Не знаю, – пожала плечами Яло и вдруг указала на книгу. – Посмотри, страницы твоей книжки шевелятся.

Девочки склонились над книгой, страницы которой действительно трепетали под ветром. Откуда он? Оля открыла книгу как раз на той странице, где был нарисован сказочный дом с разноцветными домами со шпильями. Как это ни странно, но ветер дул с этой картинки!

– Bravo! – вдруг захлопала в ладоши Яло. – Оля, давай погуляем по этому городу.

Олины глаза от изумления расширились.

– Ты в своём уме? Это же... книга. Картинка такая маленькая.

Яло, посмеиваясь, приставила открытую книгу к стене, и картинка вдруг на глазах у девочек выросла до самого потолка.

Оля тихонько ахнула.

– По эту сторону зеркала всё может быть, – сказала Яло. – Ты ведь попала в сказку, Оля. Пойдём посмотрим город, а завтра ты вернёшься домой.

– Завтра?! – с ужасом вскрикнула Оля. – Да знаешь ли ты, что будет делаться дома? Меня будет разыскивать вся городская милиция... А мама, наверное, подумает... Бедная мамочка, она подумает, что я попала под трамвай, потому что я всегда очень неосторожно перехожу улицу!

– Ты напрасно беспокоишься. Дома никто и не заметит, что тебя нет. Даже если ты пробудешь здесь целую тысячу лет! Когда бы ты ни вернулась обратно, ваши часы будут показывать тот же час, ту же минуту и даже ту же самую секунду, когда ты переступила через раму. Вот посмотри-ка на часы.

Оля подняла голову и увидела на стене часы – точно такие, какие висели дома в передней. Только циферблат на этих часах был нарисован наоборот, и стрелки двигались не вперёд, а назад.

– Ну, если так, тогда пойдём! – рассмеялась Оля.

Девочки взялись за руки и, обдуваемые лёгким ветерком, без всякого труда вошли в сказочный город.

Глава третья, в которой Оля путешествует по сказочному городу и убеждается, что не всё то золото, что блестит

Девочки вышли на вершину холма, с которого открывался удивительный вид. У их ног начиналась огромная стеклянная лестница. Она уходила далеко вниз, и там внизу, у её подножия, раскинулся город. Он был весь из разноцветного стекла, и его бесчисленные башни и шпили отражали солнце и слепили глаза.

Держась за руки, Оля и Яло начали спускаться по лестнице. Ступени, словно струны, зазвенели под их ногами. По бокам лестницы стояли широкие зеркала. Заглянув в одно из них, Оля увидела двух очень толстых и широколицых девочек.

– Неужели это мы? – растерянно спросила она.

– Да. Кажется, мы.

Девочки достигли подножия лестницы и остановились. Перед ними расстилалась площадь, которую окружали красивые дома из жёлтого, красного, синего, зелёного и белого стекла. Красивые дамы в длинных шёлковых платьях и кавалеры в расшитых золотом пышных костюмах гуляли вокруг фонтана, из которого высоко в небо взлетали прозрачные струи. Падая на землю, эти струи превращались в стекло, разбивались на миллионы сверкающих осколков и наполняли воздух музыкальным звоном. От фонтана веяло приятной прохладой. Всё искрилось в ярком солнечном свете. Там и тут по площади проезжали коляски с какими-то важными и надутыми людьми. Звонко стучали по мостовой подковы лошадей. И повсюду на площади, так же как и на лестнице, были расставлены кривые зеркала.

Оля и Яло с любопытством рассматривали необыкновенных людей. Вот мимо прошёл высокий худой старик в парчовом камзоле и в чёрных чулках, обтягивающих его тонкие ноги.

– Дедушка, – обратилась к нему Оля, – скажите, пожалуйста, как называется эта страна?

– Я не дедушка! – сердито огрызнулся прохожий. – Я церемониймейстер его величества короля Топседа Седьмого. Противные девчонки! Разве вы забыли, что наша страна называется Королевство кривых зеркал?

Высоко вздёрнув голову, надменный старик удалился. Девочки переглянулись, едва сдерживая смех.

– Яло, он сказал, что короля зовут Топсед, – соображала Оля. – Если здесь, как ты сказала, всё наоборот, значит, он... Деспот?

– Деспот, Оля!

– Вот какой это король!

Девочки обогнули площадь и вошли в маленький тесный переулочек. Чем дальше они шли по этому переулочку, тем ниже и беднее становились дома. Вот перед ними стена длинного строения из чёрного стекла, освещённая изнутри какими-то мерцающими огнями. Из широкой двери клубами вырывался дым.

– Там, кажется, пожар?! – воскликнула Оля.

Они вошли в дверь и спустились по скользким ступеням в подвал.

– Как трудно дышать! – закашлялась Яло, прикрывая рукой рот.

Девочки увидели тёмное, наполненное дымом помещение. В полумраке вспыхивали огни каких-то печей. Едва различимые в дыму, как призраки, двигались полуобнажённые мужчины и юноши, занятые непонятной работой. Они были худы и измучены.

И вдруг жалобный крик раздался в мастерской. Худенький подросток, покачнувшись, упал на землю. И сейчас же к нему подошёл человек в разноцветной одежде с кнутом в руке.

– Опять этот Гурд не хочет работать! – сказал человек.

И Оля услышала, как в воздухе свистнул кнут.

Раз! Кнут опустился на обнажённую спину мальчика, оставив на ней красную полосу. Мальчик даже не пошевелился: он был без сознания. Человек снова взмахнул кнутом, но тут Оля бросилась вперёд и, задыхаясь от волнения, крикнула:

– Что вы делаете? Не смейте! Вы же убьёте его!..

Человек повернул к девочке разъярённое лицо:

– Я главный надсмотрщик министра Нушрока! Кто смеет делать мне замечания?

– Неужели вам не жаль его? – задыхаясь, проговорила Оля. – Смотрите, какой он слабый и маленький.

– Отойди прочь! Иначе, клянусь королём, тебе придётся плохо, девчонка!

Вокруг Оли и надсмотрщика столпились зеркальщики. Они смотрели на Олю с такой благодарностью, что это придавало ей смелость.

– Вы не должны его бить! – твёрдо сказала Оля. – Посмотрите, посмотрите, он, кажется, уже умер... Помогите ему!..

– Вынесите это чучело на воздух! – крикнул надсмотрщик. – Не думаешь ли ты, девчонка, что министр Нушрок станет беспокоить королевского врача ради этого мешка с костями?

Мальчика подняли, вынесли на руках из подвала и положили на мостовую лицом к солнцу. Веки его слабо задрожали.

– Ну вот, я же говорил, что мальчишка притворяется! Он просто не хочет работать! – прорычал надсмотрщик. – Нет, Гурд, теперь тебе не миновать королевского суда!

Кто-то тронул Олю за локоть. Она оглянулась и увидела бледную Яло, протиснувшуюся сквозь толпу.

– Сумасшедшая! – взволнованно прошептала Яло. – Бежим скорее отсюда! Я так боюсь этого человека с кнутом!

– Я никуда не пойду, пока не узнаю, что будет с мальчиком, – упрямо тряхнула косичками Оля.

Раздался звон подков.

– Кажется, катит Нушрок, – тихо проговорил сгорбленный старик с глубокими морщинами на лице.

Оля шёпотом спросила его:

– А что здесь надо Нушроку?

Он взглянул на неё удивлённо.

– Вы, девочки, наверно, чужестранки? Нушрок – хозяин всех зеркальных мастерских в нашем королевстве... Вот и этих мастерских. Мы делаем здесь наводку зеркал. Видишь, какие мы все худые? Это оттого, что мы отравлены ртутными парами. А посмотри-ка на наши руки. Видишь, они покрыты язвами. Это потому, что мы отравлены ртутью. Скупой

Нушрок не хочет заменить оловянно-ртутную амальгаму серебром. Серебро ему дороже, чем жизнь людей!

– Нушрок – это значит Коршун! – тихонько пояснила Яло.

– Тише!.. – прошептал старый рабочий. – Он подъезжает. Не смотрите ему в глаза, девочки! Его взгляда никто не выдерживает.

На вороных лошадях в толпу въехали стражники с длинными копьями. Все торопливо расступились.

А ещё через несколько секунд к мастерским подкатила сверкающая карета. Слуги распахнули дверцы, и Оля увидела выглянувшего из кареты человека, лицом похожего на коршуна.

Нос у него был загнут книзу, словно клюв. Но не нос поразил её. Девочка вздрогнула, увидев глаза Нушрока. Чёрные и хищные, они словно пронизывали всех насквозь. Оля заметила, что с Нушроком никто не хочет встречаться взглядом и все смотрят в землю.

Хищные глаза министра медленно осмотрели толпу, скользнули по неподвижно лежащему мальчику и остановились на надсмотрщике. Надсмотрщик опустил голову и снял шляпу.

– Что случилось? – пискнул человек с лицом коршуна.

Оля подумала, что голос у него такой же противный, как и глаза.

– Гурд снова не хочет работать, господин министр, – почтительно проговорил надсмотрщик, не поднимая глаз.

Гурд вдруг застонал и приподнялся, опираясь на руки.

Министр страшным, немигающим взглядом уставился на мальчика.

– Почему ты не хочешь работать?

– Господин министр, – еле слышно проговорил мальчик, – я голоден... Мне трудно работать.

– Ты лжёшь! Каждый день ты получаешь хороший ломоть хлеба.

– Какой же это ломоть, господин министр? Это совсем маленький кусочек, величиной со спичечную коробку. Я отдал его своей больной матери, – тихо, но горячо говорил Гурд. Он с трудом поднялся на ноги и, покачнувшись, оперся рукой о стенку. – У меня осталась только крошка хлеба... Вот она, на моей ладони. Видите? Я берёг её к вечеру.

– Ах, как изолгался народ! – покривил губы Нушрок. – Это, по-твоему, крошка? Ну-ка, поднеси её к зеркалу...

В чёрном развевающемся плаще Нушрок вдруг выскочил из кареты и подтолкнул мальчика к кривому зеркалу, одному из тех, которые повсюду стояли в этом странном городе.

– Подойди поближе к зеркалу! – завизжал Нушрок, брызгая слюной. – Что ты видишь в зеркале, мальчишка? Ну?

Оля увидела в зеркале толстого мальчика с огромной булкой в руке.

– В зеркале видна целая булка! – усмехнулся надсмотрщик.

– Целая булка! – вскрикнул министр. – И после этого ты говоришь, что тебе нечего есть?

Гурд внезапно выпрямился. Его усталые глаза блеснули.

– Ваши зеркала врут! – гневно проговорил он, и его щёки даже слабо порозовели.

Гурд нагнулся, подхватил с земли камень и с силой швырнул его в зеркало. С весёлым звоном осколки стекла посыпались на мостовую. Толпа ахнула.

– Я рад, что разбил это кривое зеркало! Хотя одним лживым зеркалом будет меньше на свете! Вы для того и расставили по всему городу эти проклятые зеркала, чтобы обманывать народ! Только всё равно вашим зеркалам никто не верит! – выкрикивал Гурд в лицо Нушроку.

– Взять его! – завизжал Нушрок. – В Башню смерти!

Два стражника подхватили мальчика и потащили по переулку.

– Прощай, Гурд! – крикнул кто-то. – Прощай, мальчик!
– Братья! – раздался другой голос. – Долго ли мы будем ещё терпеть всё это?!
Кто-то в толпе запел, и песню подхватили десятки голосов:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает.
Но знайте, наши палачи,
Всё ярче Правда расцветает!

Нас ждут великие дела,
Вы нашей Правде,
 братья, верьте!
Долой кривые зеркала!
Сожжём, разрушим
 Башню смерти!

– Прекратить!.. – бесновался Нушрок, бегая от одного к другому.
Полы плаща, словно чёрные крылья, метались за его спиной.
Наклонив копья, стражники ринулись на зеркальщики и оттеснили их в подвал.
Нушрок нырнул в карету и махнул перчаткой. Дверцы захлопнулись, лошади рванулись, и окружённая стражей карета со звоном укатила. На улице остались лишь девочки да одинокий стражник у входа в мастерскую.

– Скажите, зачем этого несчастного мальчика отвезли в башню?

Высокий стражник посмотрел на Олю сверху вниз, усмехнулся:

– Как зачем? Смешная ты девчонка. Как только королевский суд вынесет приговор, мальчишку сбросят с Башни смерти, и его тело разобьётся на тысячи осколков.

Оля вскрикнула:

– А кто может отменить этот приговор?

– Только сам король. Но он никогда не отменяет приговоров своего суда.

Яло потянула Олю за рукав:

– Оставь его, Оля. Нельзя быть такой неосторожной. Ещё немного, и мы попали бы с тобой в большую беду.

Оля взяла Яло за руку:

– Пойдём, Яло!

– Куда?

– Во дворец короля.

– Что-о?..

– Я не успокоюсь до тех пор, пока Гурд не будет свободен!

– Гурда больше ничего не спасёт. Ты слышала, что сказал стражник?

– Всё равно мы пойдём во дворец короля! Его надо спасти, Яло! Обязательно!

– Но тебя... тоже могут казнить.

– Всё равно! Идём!

Яло смотрела на Олю округлившимися от изумления глазами. Яло не подозревала в ней столько решимости и бесстрашия. Ведь она, Яло, частенько видела Олю и ворчливой, и капризной, и такой ленивой, что даже становилось скучно её отражать.

Почему же сейчас такой смелостью сверкают глаза Оли? Читатели, конечно, догадались почему. Потому что, несмотря на свои недостатки, Оля была справедливой девочкой. И теперь она была полна только одним чувством – тревогой за жизнь угнетённого мальчика.

– Пойдём! – повторила Оля.

– Что ж, – вздохнула Яло, – пойдём.

Девочки пошли по переулку.

– В этой стране так много блеска, – помолчав, сказала Оля. – Сначала мне здесь даже понравилось. Но, видно, бабушка права, когда говорит, что не всё то золото, что блестит!

Глава четвёртая, в которой Оля и Яло попадают во дворцовую кухню

На небе уже искрились звёзды, когда Оля и Яло добрались до королевского дворца. В залах дворца горели свечи, и его хрустальные стены и окна переливались всеми цветами радуги. За дворцовой оградой звенели фонтаны, а на деревьях сладко пели невидимые птицы.

– Как красиво! – вздохнула Оля. – Но как тяжело живётся людям в этой стране!

– Вон, наверно, главный вход во дворец, – сказала Яло, показывая на решётчатые ворота. – Только нас с тобой во дворец всё равно не пустят... Да я больше и не могу идти. Я сильно натёрла себе ногу.

– Какую? – спросила Оля.

– Левую.

– А я правую... Как удивительно!

– Ничего удивительного нет, – проворчала Яло, – ведь я твоё отражение. И должна тебе сказать, что отражать тебя не очень-то приятно.

– Вот как? – рассердилась Оля. – В таком случае я тоже должна тебе кое-что сказать. Меня очень удивляет, что ты моё отражение, а нисколько не похожа!

– Не похожа? Чем же это? Разве тем, что я левша и родинка у меня на левой щеке, а не на правой?

– Не в родинке дело. Я заметила, что ты... не обижайся, пожалуйста, Яло... что ты труслива. Но я простила бы тебе, если бы в твоём характере не было ещё одной черты...

– Скажите пожалуйста, она бы простила мне! Ты говоришь со мной так, будто бы я у тебя в подчинении. Хотя я и твоё отражение, не забывай, что я такая же девочка, как и ты. Интересно, какая это у меня ещё неприятная черта?

– Ты можешь оставить человека в беде, Яло. Неужели тебе не жалко Гурда?

Яло промолчала.

– Прости меня, Оля, – в смущении заговорила наконец Яло. – Я не понимаю, почему я такая... Мне очень хочется быть хорошей, но как я ни стараюсь, у меня ничего не получается. Ты знаешь, о чём я даже думала? О том, что эти мои недостатки – это твои недостатки. Но теперь я вижу, что ты такая добрая. Тут, верно, какая-то ошибка.

Оля почувствовала, как горячо стало её щекам. «Бедная Яло, – подумала она, – никакой ошибки тут нет. Ты привыкла отражать мои недостатки и никак не можешь от них избавиться. Когда заболела одна девочка из нашего класса и мы пошли навестить её, я всю дорогу ныла, что она живёт очень далеко. Я думала не о больной подруге, а только о себе самой. Вот так же, как Яло теперь!»

Оля положила руку на плечо Яло и тихо сказала:

– Знаешь, Яло, о чём я вдруг подумала, когда увидела Гурда? Я подумала, что настоящая пионерка не может заботиться только о себе, когда другие нуждаются в её помощи. – Она порывисто протянула спутнице руку: – Давай больше никогда не будем ссориться, Яло! Я знаю, что ты хорошая девочка и непременно освободишься от своих недостатков. Нужно только по-настоящему захотеть! Я это знаю по себе...

Прихрамывая одна на левую, а другая на правую ногу, девочки подошли к дворцовым воротам. Два стражника скрестили перед ними алебарды.

– Уважаемые стражники, – сказала Оля, – нам очень, очень нужно видеть его величество короля Топседа!

– Что-о-о?..

Стражники расхохотались так громко, что девочки испуганно отскочили в сторону.

– Девчонки, кажется, рехнулись! – сказал один из них.

– А ну-ка, проваливайте подобру-поздорову! – взмахнул алебардой другой.

Девочки побрели вдоль ограды.

А дворец сверкал. Из распахнутых окон доносились музыка и весёлые голоса. Было видно, как в огромном зале кружатся танцующие пары. Должно быть, король давал во дворце бал.

– Я говорила тебе, что нам во дворец не попасть, – вздохнула Яло, со страхом оглядываясь на стражников, которые всё ещё громко смеялись.

Оля стиснула ей руку.

– Никогда не нужно терять надежды, Яло! Так говорил мне папа. Только раньше я как-то не задумывалась над этими словами.

– Никакой надежды больше нет. Я очень устала. У меня болит нога, и я хочу есть, – хныкала Яло.

– Давай попробуем обойти вокруг дворца и найти другой вход.

– Пусть даже сто километров! Мы должны сделать всё, чтобы спасти Гурда! – сказала Оля и подумала: «Вот так же ныла и я, когда шла с девочками к больной подруге. Как была права бабушка, когда говорила, что мне нужно посмотреть на себя со стороны!.. И вот теперь я смотрю на себя со стороны. Какой стыд!..»

Яло начала отставать.

– Больше я не могу идти, – жалобно простонала она и села на землю.

– Яло, милая, ну потерпи ещё немного!

– Не могу.

Из глаз Яло закапали слёзы и зазвенели о плиты мостовой.

В это время мимо девочек проезжала какая-то подвода, покрытая блестящим брезентом. Две мужские фигуры виднелись наверху. Девочки слышали, как глуховатый голос сказал:

– Послушай, приятель, неужели король всё это съест один? – И человек похлопал по брезенту рукой.

– Наш король на аппетит не жалуется, – ответил другой голос, и оба рассмеялись.

– Что это везут? – спросила Яло.

– Кажется, провизию во дворцовую кухню, – ответила Оля и вдруг оживилась: – Яло, я всё придумала! Скорее бежим! – Она потянула подругу за рукав. – Давай попробуем попасть во дворец на этой подводе.

Прихрамывая, девочки догнали подводу, вскочили на неё и забрались под брезент. Там они нащупали несколько корзин с чем-то пушистым и мягким и влезли в одну из корзин.

Через некоторое время подвода остановилась. Девочки почувствовали, что корзину, в которой они спрятались, сняли с подводы и куда-то несут. И оттого, что потянуло горячим воздухом и запахло жареным, они поняли, что их принесли в кухню.

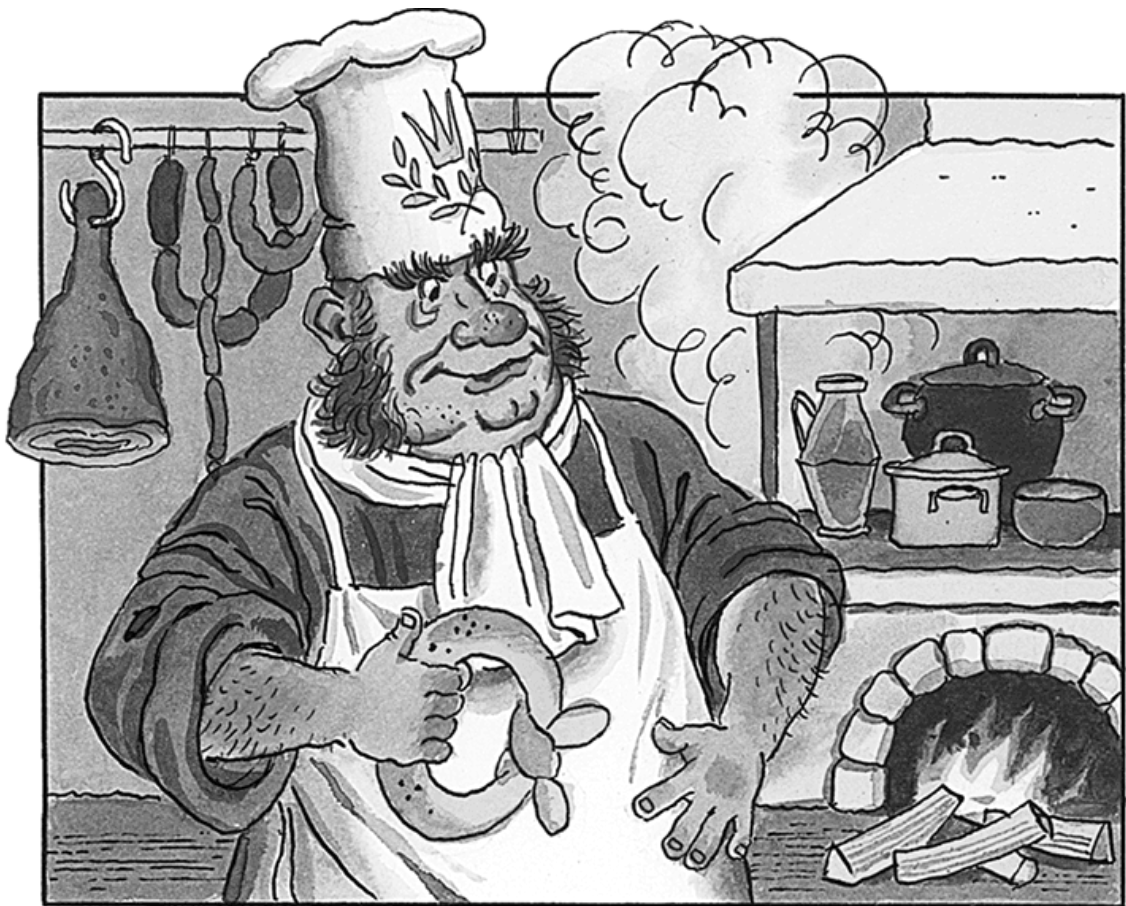
– Что в этой корзине? – раздался чей-то резкий голос.

– Двадцать фазанов, господин главный повар, – хрипло ответил другой. – И такие тяжёлые, что оборвали нам руки!

– Охота была удачная, жаловаться не приходится, – добавил кто-то.

– Поставьте корзину вот здесь, у стены, – последовало приказание, и корзина стукнулась об пол.

В кухне кто-то сновал взад и вперёд, звенела посуда, стучали ножи, было слышно, как на плите дребезжали крышки кастрюль и что-то шипело. Девочки не видели, как по кухне сновали озорные повара в халатах и белых колпаках, размахивая половниками, но зато они услышали их весёлую песенку:

Аппетит у короля,
Ох, велик, тра-ля-ля-ля!
Очень любит кушать он,
Целый день на кухне звон!

Целый день мы варим, варим,
Целый день мы жарим, жарим
И цыплят, и поросят,
И утят, и индюшат!
И соленья, и варенья
Королю на объеденье!
Ох, скорей бы, тра-ля-ля-ля,
Разорвало короля!

— Ах вы, пострелята! — зазвучал женский смех. — Вот услышит главный повар вашу песенку — не миновать вам Башни смерти!

Мало-помалу всё стихло. Издалека донёсся голос:

– Тётушка Аксал!

– Да, господин главный повар, – ответил женский голос.

– Разбери фазанов, тётушка Аксал, и вынеси их на лёд.

– Слушаю, господин главный повар.

– А я пошёл спать.

– Спокойной ночи, господин главный повар!

Возле корзины раздались шаги, и фазаны над головами девочек зашевелились.

Глава пятая, в которой Оля и Яло превращаются в придворных пажей

– Вот так фазаны! – изумлённо воскликнула тётушка Аксал. – Клянусь всеми кривыми зеркалами королевства, я, старая кухарка, никогда не видела дичи с бантами в косах!

Перепаханные, сконфуженные девочки встали перед женщиной в белом колпаке, который горой поднимался над её красным добродушным лицом.

– Ах вы, фазанята! Да как же вы попали в эту корзину? Недаром, видно, сказали, что охота была удачная!

– Мы... мы... – сказала Яло, облизывая пересохшие губы, – мы заблудились...

– Заблудились? – насмешливо перебила кухарка. – Однако шутки плохи. Знаете ли вы, фазанята, что вам будет за то, что вы непрошеными явились во дворец?

– Знаем.

– Они говорят «знаем» так спокойно, как будто я их спрашиваю, знают ли они свою маму.

Оля нерешительно выступила вперёд:

– Вы добрая женщина. Вас, кажется, зовут тётушка Ласка?

– Тётушка Аксал, девочка.

– Это одно и то же. Ну, хорошо. Пусть будет тётушка Аксал. Дорогая тётушка Аксал, вы поймите нас... Мы пришли во дворец. Ах, у нас такое горе! Мы пришли, чтобы...

– Никогда не видела, чтобы люди ходили в корзинах, – усмехнулась кухарка. – Какое же у вас горе, фазанята?

Оля не успела ответить, потому что за стеклянными колоннами раздались чьи-то шаги, и эхо звонко повторило их в огромной пустой кухне.

— Кажется, возвращается главный повар, — сказала тётушка Аксал, и её лицо стало озабоченным. — И какая блоха его укусила? Вот что, фазанята, вам лучше не попадаться ему на глаза. Пойдёмте-ка в мою каморку, а там будет видно, что делать.

По узенькой винтовой лестнице девочки поднялись вслед за тётушкой Аксал в её крошечную комнатку, которая не блистала дорогой мебелью, но была очень опрятна и чиста.

– Вот вода и умывальная чашка. Помойтесь как следует. А в шкафчике есть, что покушать. Ведь вы, наверно, голодны?

– Ужасно! – воскликнула Яло.

Кухарка ласково провела рукой по её волосам и сказала:

– Отдыхайте, фазанята, я скоро вернусь.

Когда тётушка Аксал снова появилась в своей комнатке, девочки уже вымылись и поели. У Яло слипались глаза, и она с ожесточением тёрла их кулаками.

– Ну, а теперь выкладывайте-ка мне всё, – сказала кухарка Оле. – Ты, я вижу, будешь покрепче сестрёнки. Смотри, как её разморило. А ведь, если меня не обманывают глаза, вы близнецы?

Выслушав рассказ о мальчике Гурде, тётушка Аксал задумчиво подпёрла подбородок ладонями.

– Доброе у тебя сердечко, девочка, – наконец проговорила она. – Только Гурда спасти трудно. Слышала я, что его уже отвезли в Башню смерти и заковали в кандалы на самой её вершине. Завтра король утвердит приговор суда.

– А если я очень-очень попрошу короля?

Тётушка Аксал грустно улыбнулась:

– Разве ты не знаешь, что наш король сам ничего не решает? Он подписывает то, что сочиняют министры. А министры всегда сочиняют то, что им выгодно. Они только о том и думают, как бы ту же набить золотом свои мешки да устроить людей. Ах, девочка, как хорошо всё это я знаю! Ведь мой брат работает в зеркальных мастерских Нушрока, а я сама когда-то добывала рис на зеркальных болотах Абажа.

– Абаж? – удивлённо приподняла брови Оля. – Это значит... Жаба?

Кухарка расхохоталась:

– Есть у нас такой министр. О, он такой же жестокий и злой, как Нушрок! Абаж владеет всеми рисовыми полями нашего королевства. Ты права, девочка: он действительно похож на толстую жабу!

– Я всё-таки хотела бы, тётушка Аксал, поговорить с королём.

– Как же это сделать, девочка? – развела руками кухарка. – Даже я не имею доступа в королевские покои. Как же пройдёшь туда ты? Впрочем, постой... Может быть, я что-нибудь и придумаю. А сейчас ложитесь-ка поскорее спать. Утро вечера мудренее.

Девочки очень устали и поэтому даже не заметили, что добрая тётушка Аксал уступила им свою постель, а себе постелила на полу, на старом коврик. Они сразу уснули и не чувствовали, как старая кухарка укутывала их одеялом и ласково шептала что-то, склоняясь над ними. Оле приснились зеркальщики, Гурд и человек с лицом коршуна. Во сне она снова услышала песню зеркальщиков:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает.
Но знайте, наши палачи,
Всё ярче Правда расцветает!

Голоса становились всё громче и громче. И Олино сердце замирало от волнения.

Нас ждут великие дела,
Вы нашей Правде,
братья, верьте!
Долой кривые зеркала!
Сожжём, разрушим

Башню смерти!

Оля проснулась первой. Тонкие солнечные лучи, словно шпаги, пронизывали стеклянные стены комнатки. Всё сверкало вокруг. В распахнутое окно из королевского парка доносилось пение птиц. Тётушки Аксал в комнате уже не было. Оля потянулась, зевнула, легко соскочила с постели и вдруг рассмеялась, услышав, как мальчишки-поварята где-то внизу распевают:

Аппетит у короля,
Ох, велик, тра-ля-ля-ля!

Она быстро оделась, умыла лицо холодной водой и сразу почувствовала себя бодрой. Потом она подошла к постели и начала тормошить Яло. Брыкнув ногой и не открывая глаз, Яло проворчала:

– Отстань! Ну что ты ко мне пристаешь?!

– Яло, пора вставать!

Яло села на кровати и сердито посмотрела на Олю одним глазом.

– Какая ты противная, Оля, даже поспать не даёшь!

Она долго ходила по комнате и никак не могла отыскать туфли и платье. Туфли почему-то оказались под умывальником, а платье – под кроватью.

– Скорей, Яло, – торопила её Оля. – Сейчас придёт тётушка Аксал.

– Подумаешь!.. – буркнула Яло.

– И не стыдно тебе будет перед этой доброй женщиной? Посмотри, какой разгром ты устроила здесь!

– Подумаешь!..

– Что за глупое слово!

– Это твоё любимое слово.

– Мне противно смотреть на тебя!

Яло насмешливо фыркнула:

– Вот как! А ведь ты смотришь на самое себя.

Оля покраснела.

– Я уже... давно не такая, – потупясь, сказала она.

На винтовой лестнице раздались шаги. Тяжело дыша, в комнату вошла тётушка Аксал. В руках у неё был большой свёрток.

– Ну, девочки, – проговорила она, отирая пот с красного лица, – задали же вы мне хлопот, клянусь всеми зеркалами королевства! Но не будь я тётушкой Аксал, если вы сегодня же не будете говорить с королём!

Девочки тихо ахнули.

– Да, да, фазанята! – весело продолжала она. – В этом свёртке костюмы придворных пажей. А падам, как известно, дорога во дворец открыта. Ну-ка, переодевайтесь!

– Мы будем падами?! – всплеснула руками Яло. – Ты подумай, Оля, как это интересно! Ты слышишь? О чём ты задумалась, Оля?

– Мне не очень нравится эта затея, – сказала Оля, смущённо взглянув на кухарку. – Вы только не сердитесь, тётушка Аксал. Жаль, что мы доставили вам столько хлопот, но... это получается какой-то обман.

– Что ты говоришь, деточка? Где ты видишь обман? Скажи-ка толком, а то я никак не могу понять тебя.

– Ну, вот эти костюмы. Ведь мы обыкновенные девочки, а все будут думать, что мы эти, ну – как они называются? – пажи.

– Да какой же это обман, деточка?! Это всего-навсего маленькая хитрость. И потом, кто в нашем королевстве не врёт? Может быть, ты думаешь, что не врёт король или его министры? Да они самые большие вруны!

Оля передёрнула плечами:

– Но я не король и не министр, тётушка Аксал. Я пионерка!

– Не знаю, что означает это слово, деточка, но вижу, что тебя воспитали очень хорошие люди, – растроганно сказала старая женщина.

– Оля, – зашептала Яло, – ты ведь любишь читать старые сказки, а ведь в этих сказках очень часто переодеваются и вообще хитрят.

Оля подумала:

– Ну уж если я попала в старую сказку, то, пожалуй... Нет, Яло, всё равно это как-то ужасно некрасиво!

– Но Гурд, Оля! Мы должны спасти его!

– Гурд... – вздохнула Оля. – Да, мы должны спасти его во что бы то ни стало! Хорошо, тётушка Аксал, давайте ваши костюмы.

Глава шестая, в которой паж с родинкой на правой щеке даёт королю урок арифметики

Два маленьких пажа в бархатных костюмах, с пышно завитыми светлыми волосами вошли в пустынный зал дворца. В зале никого не было. Позвякивая сверкающими туфельками по хрустальному паркету, пажи подошли к огромному обеденному столу и стали по бокам королевского кресла.

– Неужели король будет завтракать один? За этим столом могут усестся пятьсот человек! – сказал паж с родинкой на правой щеке.

– Тсс... кто-то идёт, – шепнул паж с родинкой на левой щеке. – Мне так страшно, что даже коленки подгибаются.

Из-за колонны вышел старец в парчовом камзоле и в чёрных чулках. Он ступал на своих тонких ногах торжественно и медленно.

– Яло, смотри, смотри, – быстро зашептал паж с родинкой на правой щеке, – это тот самый старик, которого мы встретили на городской площади возле фонтана. Помнишь, он рассердился, когда я его назвала дедушкой?

– Помню, Оля, – закивал паж с родинкой на левой щеке. – Он, кажется, назвал себя церемониймейстером.

Старик между тем подошёл к пажам, остановился и молча осмотрел обоих. У него слегка тряслась голова.

– Послушайте, пажи, – заговорил церемониймейстер дребезжащим голосом, – вы не видели министра Абажа? Ему срочная депеша.

– Я... я не видела, – пробормотала Оля.

– Я тоже, – замотала головой Яло.

– Пажи должны всё знать! – недовольно сказал старик. – Погодите, погодите, я вас никогда не видел во дворце. Вы новые пажи его величества?

– Да, новые, – пролепетала Яло, сжимаясь от страха.

– Кто же вас сюда поставил?

– Нас? – растерянно спросила Оля.

– Да, да, вас. Так кто же?

– Вы! – вдруг выпалила Яло.

Это было так неожиданно, что Оля прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Я?!

– Совершенно правильно, вы, господин це... церемониймейстер, – кивнула Яло.

– Хм... не помню. Какая отвратительная стала у меня память! Хм, ну конечно, это я вас поставил! Что же вы спорите?

– Мы не спорим.

– Молчать! – взвизгнул церемониймейстер и, услышав, как где-то мелодично начали бить дворцовые часы, закричал: – Главный повар! Главный повар!

Откуда-то выскочил маленький толстенький человек.

– Его величество сейчас должен завтракать. Что приготовлено на завтрак его величеству?

– Господин церемониймейстер, на завтрак его величеству королю Топседу Седьмому приготовлены три жареных кабана, пятнадцать копчёных индеек, десять маринованных осетров, двести яиц всмятку, двадцать фаршированных фазанов, тридцать жареных уток, сто печёных яблок, пятьдесят килограммов винограда, полтонны мороженого и десять ящиков заморского вина.

– Это всё?

– Всё, господин церемониймейстер...

– Вы с ума сошли! Его величество останется голодным! Прибавьте ещё что-нибудь!

В зале замелькали бесшумные слуги, уставляя стол яствами. Церемониймейстер ушёл, вероятно, чтобы встретить короля. И в это время в зал вошли два человека.

– Нушрок! – с ужасом шепнула Яло.

Главный министр шёл в своём чёрном плаще, из-под которого виднелся кончик шпаги. Рядом с ним двигалось что-то шарообразное. Это был толстый и словно бы состоящий из двух шаров человек, одетый в зелёный костюм, расшитый золотом. Большой шар был туловищем с четырьмя конечностями, а маленький шар – лысая голова с пухлым лицом. Выпуклые зеленоватые прищуренные глаза его прикрывали тёмные и сморщенные, как у жабы, веки. Но когда он медленно поднимал их и широко открывал глаза, в них можно было увидеть ум и хитрость.

И тогда казалось, что он вот-вот сделает молниеносный прыжок, словно жаба, высмотревшая на листке зазевавшуюся муху. Он посмотрел на стол, потом на Нушрока и сказал рокоchущим грудным голосом:

– Король пригласил вас на совещание по какому-то важному государственному делу, а сам, оказывается, ещё не завтракал. Послушайте, главный министр, не смотрите на меня! Вы же знаете, что я не переношу вашего взгляда.

– Никто не переносит моего взгляда, Абаж! – усмехнулся Нушрок.

– Вы очень любите хвастаться своими глазами, главный министр, – раздражённо про-рокотал человек-жаба. – Не лучше ли нам поговорить о деле? Не кажется ли вам, что кривые зеркала перестали действовать на наш народ?

– Да, кажется, министр Абаж. Вчера мальчишка-зеркальщик даже разбил одно кривое зеркало!

– Жители королевства обнаглели, Нушрок! Чтобы держать народ в повиновении, пришло время почаще прибегать к устрашению. – Абаж вынул из кармана большой ключ. – Вот что нужно нашему народу!

Чёрные глаза Нушрока сверкнули.

– Что это? Ключ?

– Да, ключ от цепей для моих сеятелей риса. На моих болотах стало очень беспокойно, Нушрок, и я приказал сделать цепи и замок по вашему образцу.

Нушрок внимательно рассматривал ключ.

– Да, он действительно совершенно такой же, как ключ от цепей на Башне смерти. Это моё изобретение, Абаж! – с достоинством проговорил главный министр.

– Это ваше лучшее изобретение, Нушрок! Башня смерти известна всему королевству.

– Плохо только то, Абаж, что теперь есть второй ключ, которым можно отпирать цепи на Башне смерти.

– Пусть это вас не беспокоит, Нушрок. Мой ключ всегда находится при мне, а ваш висит над троном короля.

– Всё равно мне не нравится, Абаж, что в королевстве есть второй ключ, – сухо сказал Нушрок.

Оля и Яло настороженно прислушивались к разговору министров.

– Ты слышала? – шепнула Оля. – Один ключ висит над троном короля.

– Слышала, – едва шевельнула губами Яло.

Из-за колонн снова вышел церемониймейстер и, вытягивая шею, торжественно объявил:

– Его величество Топсед Седьмой!

Где-то зазвучали фанфары, и все склонили головы. Окружённый свитой, к столу приближался Топсед Седьмой.

Король не торопился завтракать. Его короткие ножки медленно шаркали по полу. Он шёл, опустив приплюснутую голову на тёмно-зелёный, усыпанный драгоценностями камзол. Толстые, растянутые почти до самых ушей губы Топседа Седьмого шевелились, как будто он разговаривал сам с собой. И словно в такт своим мыслям, он то и дело взмахивал короткой ручкой с пухлыми маленькими пальцами. Низенький уродец шёл, неуклюже покачиваясь: слабым ножкам трудно было нести тяжёлое тело.

У своего кресла король остановился и поднял голову. У него были бесцветные, ничего не выражающие рыбы глаза.

– На ста площадях по сто зеркал, – сказал Топсед Седьмой. – Сколько же это будет всего зеркал?

Все вокруг почтительно замерли, и король начал по очереди опрашивать своих придворных:

– Вы знаете?

– Запомню, ваше величество. Мне в детстве трудно давалась арифметика.

– А вы?

– Двести зеркал, ваше величество.

– Дурак! А сколько по-вашему?

– Триста, ваше величество.

– Тоже дурак! А что думаете вы?

– Триста пятьдесят, ваше величество.

– Почему триста пятьдесят?

– Я думаю, что если триста неправильно, ваше величество, то, может быть, будет правильно три с половиной сотни.

– Вы дурак с половиной!

– Хи-хи-хи! – захихикал придворный. – Вы так остроумны, ваше величество!

– А сколько будет по-вашему, церемониймейстер?

– Три, ваше величество.

– Почему три?

– Ваше величество, простите меня. Когда я был маленьким, меня уронила няня, я ударился головой о паркет...

– Но ведь голова цела? – спросил король.

– Кажется, цела, ваше величество. Но с тех пор я могу считать только до трёх.

- Гм... Это забавно. Сколько будет два и два?
- Три, ваше величество.
- А от пяти отнять один?
- Три, ваше величество.
- Гм... Вы, кажется, самый большой дурак во всём королевстве.
- Совершенно правильно, ваше величество!

Король в глубокой задумчивости пожевал губами, рассеянно сбросил мантию на руки пажу с родинкой на правой щеке и передал шпагу пажу с родинкой на левой щеке. Затем он со вздохом опустил в кресло. Но ел король мало: мысли его были заняты решением сложной задачи.

– На ста площадях по сто зеркал! – раздражённо сказал король, бросая на стол салфетку. – Кто же мне скажет, наконец, сколько будет всего зеркал?

Оля слышала, как Нушрок прошептал, наклоняясь к Абажу:

– Может быть, сказать ему?

– Зачем? – таким же шёпотом ответил Абаж. – Пусть занимается своими глупыми подсчётами и поменьше вмешивается в наши дела.

Король поднялся и потряс над головой руками:

– Кто мне скажет?

– Десять тысяч, – раздался тонкий голосок.

Все удивлённо огляделись по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.